

РАШИД НАГИЕВ

Израиль

РАССКАЗЫ

Ювелир

1

Призывник Салман Мансуров в одних трусах стоял перед медицинской комиссией районного военкомата и слушал вердикт врачей. Комиссия состояла из трёх человек – двух женщин и одного мужчины. Они сидели в белых халатах за длинным столом, и председатель строгим голосом зачитывал медицинское заключение, словно объявлял приговор. Призывник Мансуров сразу понял, что этот мужчина здесь самый главный, и от него зависит судьба всех собравшихся парней. Доктор приподнял голову, направил на призывника строгий взгляд и спросил:

– Служить хочешь?

– Хочу, – честно ответил Салман.

Мужчина вновь посмотрел на медицинские бумаги и объявил:

– Хронический ревмокардит. Отсрочка на два года, а там посмотрим.

Призывник Мансуров отправился домой, чтобы сообщить маме последние новости, хотя на тот момент понятия не имел, что такое ревмокардит и что с ним делать. Он всегда рос обычным ребёнком и по своим внешним и физическим данным ничем особенно не отличался от сотен таких же детей. Мама работала воспитательницей в детском саду и одна растила своего мальчика, который, окончив школу, должен был идти в армию. Однако теперь, получив отсрочку, Салман решил не поступать ни в какой институт, а быстрее помочь маме материально. К тому же в науках он не был силен, а маму любил безгранично. Соседи и сослуживцы уважительно звали её Дилира-ханым. Она часто ненавязчиво подсказывала сыну, как надо поступать в той или иной ситуации, но никогда не наказывала его за ошибки, считая, что главное в воспитании ребёнка – это любовь, доброта и милосердие. Тот, кого с детства окружали любящие люди, обязательно когда-нибудь в будущем подарит эту любовь своим близким. И не прервётся тогда тропинка милосердия в этом суровом мире.

Салман Мансуров устроился учеником в большую ювелирную мастерскую, которая находилась на соседней улице. Мастерская работала рентабельно, заказов поступало много, поэтому производство постоянно расширялось, и всегда требовались новые работники. Салману Мансурову здесь понравилось с первой же минуты его появления в этих стенах. Во-первых, опытные мастера, уже много лет работавшие за своими ювелирными верстаками, очень доброжелательно встретили молодого человека, а во-вторых, ювелирам не надо было помнить о каких-то синусах и косинусах, а также писать скучные сочинения о литературных героях прошлого. В мастерской всё делалось своими руками – здесь и сейчас. Шефство над начинающим работником взял на себя старейший и опытейший ювелир, Байрам Рагимов. Он уже тридцать пять лет находился в профессии и за это время помог очень многим освоить ювелирное дело. И сейчас Байрам Асадович обратился к ученику со своим обычным предложением:

– Давай, Салман, садись за верстак, будешь делать своё первое кольцо.

– Прямо так, сразу? – удивился парень.

– А зачем время тянуть? Если у тебя руки растут из правильного места, то ты справишься. Не волнуйся, я буду рядом и подскажу. Возьми из коробки золотой брусочек. Из этой заготовки мы и будем делать наше кольцо.

Через пятнадцать минут Салман самостоятельно соединил золотые концы и спросил у мастера:

– А как спрятать место стыка?

Байрам Асадович взял в руки кольцо и с помощью специальной кисточки спрятав полосу стыка под алмазным напылением, потом сказал ученику:

– Получилось простое элегантное кольцо без излишеств, в стиле модерн. Посмотри, как сверкают алмазные крошки даже под слабым светом маленькой лампы.

– Двадцать минут, и кольцо готово, – удивлённо сказал Салман, потом поднялся на ноги, освобождая место мастеру.

Мужчина надел биноклярные очки и сел за свой верстак:

– Это для тебя я показал по-быстрому весь процесс от начала и до конца. А вообще-то мы каждый день по многу часов сидим, глядя в микроскоп. Надо иметь отличное зрение, быть усидчивым, спокойным и терпеливым. Справишься? Не убежишь?

– Не уйду, – пообещал Салман.

– Постепенно у тебя появится чувство металла, и всё будет хорошо. А сегодня до конца рабочего дня отполируй несколько колец.

2

С того первого рабочего дня прошёл месяц, и настал день зарплаты. Салман получил деньги небольшие, соответственно своему статусу ученика. Однако весь день с удовольствием представлял себе, как вечером принесёт маме свою первую зарплату. А мама приготовит что-нибудь вкусненькое, чтобы отметить это событие. Но в тот день произошла ещё одна интересная встреча – их мастерскую посетила делегация ювелиров из Франции. Трое мужчин и девушка-переводчик представляли парижский ювелирный дом «PIERRE». Как понял Салман, они участвовали в международной выставке ювелирных изделий, а заодно решили ознакомиться с местным производством. Сначала эта небольшая делегация зашла в кабинет директора, а через десять минут Сабир Рустамович вместе с гостями из Парижа вышли к мастерам в производственный зал. Здесь около пятнадцати ювелиров работали за своими верстаками. Директор сразу же подвёл парижан к своему самому опытному мастеру, Байраму Рагимову, который к тому времени уже заканчивал работу над золотым мужским перстнем. Ему оставалось лишь аккуратно прикрепить к перстню инициалы владельца. Гости, окружив мастера, сначала молча наблюдали за его работой, потом через переводчицу стали задавать вопросы. Байрам Рагимов отвечал уверенно, со знанием дела. Директор, Сабир Рустамович, вдруг вмешался в разговор и сказал:

– У нашего друга Алена через два дня свадьба, и я хочу от имени нашего коллектива поздравить его и в память об этой встрече сделать скромный подарок. Ален может подойти к витрине с готовыми образцами и выбрать себе любое кольцо.

Все работники одобрительно зааплодировали. Потом девушка перевела слова директора, и французский гость выступил с ответной речью:

– Большое спасибо за поздравление и подарок. Когда-то в молодости я сделал своё первое кольцо. Кому-то оно могло показаться слишком простым и незавершённым, но в нём проявилась свежесть первого шага и аромат молодости. Поэтому сегодня я хотел бы взять кольцо, так похожее на мой дебют, чтобы подарить его будущей жене. Я только попрошу нашего мастера оставить на кольце фигурную надпись из двух слов: «Эдит и Ален».

Потом мужчина подошёл к выставочной витрине со стеклянными дверцами и взял с полки кольцо Салмана и его наставника.

3

Два года в ювелирной мастерской прошли для Салмана Мансурова как два дня. Он многому научился за это время у своих наставников и с удовольствием продолжил бы работать с ними, однако опять настало время отдавать долги Родине.

И опять в девять часов утра призывник Мансуров в одних трусах стоял перед медицинской комиссией районного военкомата. Врачи в белых халатах всё так же сидели за длинным столом, но это были уже другие люди. Главный врач, сидевший теперь с краю, поднял на Салмана суровый взгляд и сказал только одно слово:

– Годен!

Парень хотел спросить у доктора:

– Куда же делся ревмокардит?

Однако природная скромность взяла верх, и призывник промолчал, к тому же он уже догадывался, что медицина способна и не на такие чудеса.

А ревмокардит, видимо, рассосался сам собой, потому что вот уже второй месяц, как рядовой Салман Мансуров служил во второй мотострелковой роте в городе Ленкорань, недалеко от советско-иранской границы. Командовал ротой старший лейтенант Сергей Разумовский. Это был молодой офицер очень маленького роста. Недостаток сантиметров он компенсировал невероятной активностью. Все знали, что солдатам второй роты нет покоя ни днём, ни ночью. Целые дни, до самого отбоя, он проводил в учениях по так называемой взаимозаменяемости, когда в условиях боя при необходимости пехотинец может заменить водителя, а водитель гранатомётчика, тот, в свою очередь, радиста, а радист – снайпера, и так далее. Старший лейтенант Разумовский очень гордился своей придумкой, а по ночам нагружал своих солдат ещё и караульной службой. В одну из таких ночей рядовой Мансуров здорово отличился. Он нёс караульную службу у склада боеприпасов. Несмотря на усталость, Салман не сомкнул глаз. Одна маленькая лампочка слабо освещала лишь небольшую площадку у входа на склад, а вся остальная территория утопала в кромешной темноте. Вдруг солдат услышал звуки чьих-то шагов, которые то приближались к его посту, то удалялись в сторону степи. Самого нарушителя не было видно в полной темноте. Когда рядовой Мансуров в третий раз крикнул «Стой! Кто идёт?» и не получил ответа, он решительно выстрелил, после чего подозрительные звуки шагов рядом со складом умолкли.

Утром, когда чуть рассвело, солдат понял, что досадно ошибся, потому что убил колхозную лошадь. Но выстрел получился отменным – пуля попала животному прямо в лоб, между глаз. Лошади явно не повезло – она каким-то образом сбежала ночью из конюшни, на вопросы рядового Мансурова ответить не могла, а самая сочная трава, как назло, росла именно рядом со складом боеприпасов. Когда полностью рассвело, местные колхозники с трудом погрузили труп лошади на телегу и повезли в штаб второй роты, к старшему лейтенанту Разумовскому, чтобы потребовать от него денежную компенсацию за убитое животное, на котором, оказывается, держался весь колхозный бюджет. Однако старший лейтенант Разумовский не был простачком и с помощью отборного мата смог убедить местных колхозников, что их лошадь по ночам должна спать, а не разгуливать по территории военной части и не щипать траву рядом со складом боеприпасов.

На всякий случай старлей Разумовский вызвал к себе в кабинет рядового Мансурова и задал ему лишь один вопрос:

– Почему ты стрелял в лошадь?

Солдат уверенно объяснил:

– Я спросил три раза, никто не ответил. По уставу имею право стрелять.

Старлей побагровел от злости:

– Во-первых, по уставу сначала надо стрелять предупредительным в воздух, а потом в нарушителя. А во-вторых, ты что, совсем тупой? Где ты видел лошадь, которая на вопрос «Стой! Кто идёт» вообще что-то отвечает.

Рядовой молчал, понунив голову. Старший лейтенант с ужасом подумал: «Что было бы, если б вместо лошади какой-нибудь выпивший офицер вышел бы проветриться ночью в сторону склада с боеприпасами, а там уже рядовой Мансуров с карабином». А вслух командир строго произнёс:

– Возвращайся в казарму и приведи себя в порядок. В караул больше не пойдёшь. Ты у меня всю жизнь прстоишь на тумбочке дневальным. Стрелок...Твою мать.

С того дня прозвище «Стрелок» навсегда закрепилось за рядовым Мансуровым, но настоящая слава ждала его ещё впереди.

4

На третьем месяце службы, получив на оружейном складе карабин, рядовой Мансуров со своей мотострелковой ротой в пешем строю отправился на оборудованный стрелковый полигон. Солдатам пришло время потренироваться в стрельбе по мишеням с расстояния в сто метров. Во время движения роты кто-то из солдат громко спросил рядового Мансурова:

– Эй, стрелок, а где твоя лошадь?

Вся рота рассмеялась.

– Разговоры в строю! – сердито крикнул старлей, и смех прекратился.

Второй ротой, как всегда, командовал старший лейтенант Разумовский. Офицер заранее приказал рядовому Мансурову начать стрелять в первой четвёрке. Потом последовала его команда:

– На огневой рубеж шагом марш!

Рядовой Мансуров подошёл к оборудованному месту для стрельбы, которое представляло собой брезентовую подстилку, брошенную на землю, и мешок с песком. Потом последовала команда:

– Приготовиться к стрельбе из положения лёжа.

Первая группа легла на пыльный брезент. Старлей Разумовский подошёл к каждому солдату и лично зарядил все карабины тремя патронами. Остальные солдаты второй роты продолжали стоять в строю, подальше от огневых точек, в ожидании своей очереди. Когда всё было готово, последовала команда «Огонь».

Рядовой Мансуров стрелял первый раз в жизни, не считая случая с лошадью, и поэтому решил не торопиться. Большая зелёная мишень с ровными чёрными кругами и с цифрой десять в центре находилась от него на расстоянии в сто метров. Рядовой Мансуров неспеша переложил карабин в левую руку, а указательный палец правой руки опустил на курок. Затем, зажмурив левый глаз, правым посмотрел через прорезь прицельной планки на мушку, которую медленно подвёл к точке прицеливания, другими словами, в самый центр мишени, где находилась заветная десятка. Затаив дыхание, Салман продолжал медленно нажимать на спусковой крючок, пока не прозвучал выстрел. Когда все четверо солдат закончили стрельбу и поднялись на ноги, офицер пошёл осматривать мишени, записывая результаты стрельбы каждого солдата в свой журнал. Все три выстрела рядового Мансурова попали в десятку. Офицер не поверил своим глазам и приказал солдату повторить стрельбу. Рядовой повторил и показал такой же результат.

Теперь он был уверен – два года в ювелирной мастерской не прошли бесследно. Ежедневная работа с мелкими предметами с постоянным использованием микроскопа что-то существенно изменила в его зрении, в руках и в характере. Он

стал более усидчивым, терпеливым и спокойным. Поэтому теперь прицелиться и попасть в десятку с расстояния в сто метров для рядового Мансурова оказалось сущим пустяком, и он искренне не понимал, чему так обрадовался его командир, осмотрев мишени. Однако вскоре всё прояснилось.

Спустя две недели рядовой Мансуров, будучи дневальным, мыл полы в бытовой комнате, когда в казарме неожиданно появился старлей Разумовский и объявил дежурному солдату:

– Завтра утром поедешь от нашего батальона на дивизионные соревнования по стрельбе. Будет сам генерал Еремеев, командующий дивизией. Смотри у меня. Если хоть раз промахнёшься, будешь мыть полы до конца своих дней.

– А почему я? – спросил солдат, стоя босиком на деревянном полу с мокрой тряпкой в руках.

– Ты же у нас «Стрелок», – с усмешкой ответил офицер, намекая на убитую лошадь.

Утром следующего дня на том же стрелковом полигоне собрались солдаты и офицеры со всех частей и подразделений мотострелковой дивизии. Командующий, генерал Еремеев, ещё не прибыл, а всё остальное высшее офицерство уже стояло в специально отведённом месте. Соревнования начались вовремя – солдаты группами по четыре человека подходили к огневому рубежу, стреляли по мишеням и возвращались каждый в свой строй. Минут через двадцать дошла очередь и до рядового Мансурова. Он, как и в первый раз, спокойно подошёл к огневому рубежу, аккуратно прицелился, неспеша произвёл пять выстрелов с положения лёжа и вернулся в свой строй, к старшему лейтенанту Разумовскому. Вскоре судьи объявили его результат – пять выстрелов, пять десятков. На тот момент это был лучший результат. Старлей довольно улыбался, украдкой поглядывая на своего меткого солдата. Вероятно, ему уже мерещилась четвёртая звёздочка на погонах. К тому времени со своей свитой на полигон прибыл генерал Еремеев и стал зачитывать в микрофон имена призёров и победителей соревнований, а также их результаты. Солдаты строевым шагом подходили к генералу, получали из его рук почётную грамоту и возвращались в строй. Наконец генерал торжественно объявил:

– За первое место с результатом пятьдесят очков почётной грамотой Краснознамённого Закавказского военного округа награждается рядовой Салман Мансуров! Выйти из строя!

Солдат вышел из строя и, не дождав команды «Ко мне!», сам зашагал в сторону генерала, к тому же начав движение с правой ноги. У старлея Разумовского округлились глаза и отвисла челюсть. А солдат попытался изобразить строевой шаг, но в результате его руки и ноги смешно задвигались вразнобой, и получилось нечто среднее между спортивной ходьбой и прогулкой по бульвару. Генерал был в шоке, однако грамоту солдату вручил и даже поздравил с победой. Рядовой Мансуров радостно развернулся через правое плечо вместо левого и громко произнёс:

– Служу Советскому Союзу! Спасибо!

Потом, опять не дождавшись команды: «Встать в строй», тем же смешным прогулочным шагом потопал назад в свой строй.

Старлей понял, что увлечшись своими учениями по взаимозаменяемости, он совсем забросил строевую подготовку. Однако в любом случае после такого позора с мечтами о четвёртой звёздочке на погоны можно было распрощаться. Когда рядовой Мансуров стоял уже в строю, офицер зло прошептал:

– Ты у меня теперь сдохнешь на плацу. Будешь тренироваться, пока не научишься.

Вернувшись с полигона, старший лейтенант Разумовский зашёл в офицерскую столовую, а рядовому Мансурову приказал ждать в казарме, недалеко от учебного плаца.

Через час старший лейтенант вернулся на плац, но в более хорошем расположении духа. Он явно принял за обедом что-то горячительное и расслабляющее.

– Становись! Смирно! – приказал он своему солдату. – Пятки вместе, носки врозь. Отработаем на четыре счёта приход и отход от начальника. При приветствии ладонь должна находиться у виска. Раз, два, три, четыре. Спина ровная, грудь колесом. Раз, два, три, четыре. Движение начинаем с левой ноги. Нога поднимается на пятнадцать сантиметров от земли, носок вытянутый.

Видимо, алкоголь начал действовать, потому что старший лейтенант Разумовский решил вдруг лично продемонстрировать сказанное. Стоя на одной ноге, вторую он попытался поднять как можно выше, но потерял равновесие и упал на асфальт. Рядовой Мансуров моментально подошёл и помог офицеру подняться.

– Продолжаем урок, – уверенно сообщил командир, встав на ноги. – Левая рука поднимается на уровень груди, а правая идёт до упора взад. «До упора взад», я сказал. Раз, два, три, четыре. Смотреть вперёд, а не на девочек. Подбородок выше. Отмашка рук. Раз, два, три, четыре. Стой. Раз, два. Теперь отработаем прохождение с песней, – продолжал офицер и спросил: – Песню помнишь?

– Так точно.

– Запевай!

– Идёт солдат по городу, по незнакомой улице, и от улыбок девичьих...

– Стой! Раз, два. Начало песни и начало движения у тебя расходятся. Песню надо начинать раньше, чем начинаешь шагать, чтобы мелодия песни совпадала с левой ногой строевого шага. У тебя этого пока нет. Будем репетировать.

«Вот это завернул, – подумал рядовой Мансуров, – прямо какая-то консерватория».

– Запевай! – опять приказал старший лейтенант.

– Идёт солдат по городу, по незнакомой улице...

– Стой! Раз, два, – сказал командир, его стало заметно покачивать, – на сегодня хватит. Цели достигнуты. Мы отработали движение строевым шагом, вспомнили положение солдата и его стойку при строевой настройке. Всё понятно?

– Так точно, – ответил рядовой Мансуров, желая лишь одного: поскорее вернуться в казарму.

5

Со дня призыва прошло ровно полгода. Рядовой Мансуров готовился в очередной раз идти в караул, когда у входа в казарму его встретил старший лейтенант Разумовский и сообщил, что на сегодня освобождает его от всех армейских обязанностей, потому что приехала мама и сейчас ждёт сына в беседке для свиданий.

– Разрешите идти? – радостно спросил солдат.

– Иди, – ответил офицер.

Салман подошёл к своей кровати, достал из тумбочки недавно полученную грамоту и быстрым шагом направился в беседку, которая представляла собой деревянную конструкцию круглой формы со столом и скамейками. По периметру были высажены вечнозелёные растения. В этом уютном уголке родственникам и родителям было приятно встретиться и пообщаться со своим солдатом.

Мама уже сидела на скамейке, разложив на столе домашние вкусности, в надежде покормить сына. Она всегда была для Салмана самой доброй, мудрой и красивой женщиной на свете. Густые чёрные волосы, чёрные глаза и брови подчёркивали её восточное происхождение. Сын быстро подошёл к ней, крепко обнял и поцеловал в щёку. Потом, присаживаясь рядом, сказал:

– Мама, ну зачем ты тащила такую тяжесть? Да ещё термос с чаем. Мы только что поели перед разводом. Я совсем не голоден.

– Ничего, потом поешь и друзей угостишь. Здесь всё свежее и вкусное, а мне совсем не тяжело, – сказала Диляра-ханым и добавила: – Расскажи лучше, как ты здесь, сынок, не трудно тебе? Может, кто обижает? Я поговорю с твоим командиром.

– Не надо ни с кем говорить, мама. Никто меня не обижает. Наоборот, даже уважают. Вот посмотри, меня наградили почётной грамотой. Сам генерал награждал.

Салман расстегнул верхнюю пуговицу гимнастёрки и достал из внутреннего кармана аккуратно сложенный лист бумаги. Бумага была не простой, а с какими-то гербами, номерами, подписями и печатями. И всё это на фоне изображений танков и самолётов. Диляра-ханым сразу поняла, что бумага серьёзная, и спросила:

– А что здесь написано? Я не вижу без очков.

– Там написано, – гордым пионерским голосом начал Салман, – что этой почётной грамотой я награждён за первое место на соревнованиях по стрельбе из карабина. Теперь я лучший стрелок в нашей мотострелковой дивизии.

На этих словах женщина заметно изменилась – улыбка сошла с лица, глаза потускнели и наполнились печалью.

– Что случилось, мама? – удивился парень. – Я думал, что ты похвалишь меня, и мы вместе порадуемся.

– Я видела нехороший сон, и мне тревожно, – объяснила Диляра-ханым и продолжила. – Я хочу, чтобы ты знал, если с тобой что-нибудь случится, то и мне не жить.

– Но почему со мной что-то должно случиться, мама? Почему ты так думаешь? – искренне не понимал Салман.

– Потому что, сынок, хорошие стрелки нужны не на фабрике, не на заводе и даже не в твоей ювелирной мастерской, а на войне. В Афганистане началась война, и я видела сон, что тебя тоже отправляют на эту войну. Поэтому дай мне слово, что никогда больше, ни на каких соревнованиях не будешь хорошо стрелять.

Салман очень любил маму, поэтому сказал:

– Хорошо, мама. Я всё понял и сделаю так, как ты хочешь, только не печалься, пожалуйста.

Через месяц командир второй роты, старлей Разумовский, отправил на двух грузовиках своих солдат на военный полигон для плановой тренировки в стрельбе из карабина.

Рядовой Мансуров лежал на пыльном брезенте, рядом с мешком песка, и думал, как поступить. Сначала, без колебаний, он хотел исполнить данное маме обещание и выпустить все три пули в «молоко». Солдат даже отвёл ствол карабина чуть в сторону от мишени и собирался уже нажать на курок, но какая-то неведомая сила мешала ему. Салман вдруг подумал, что сегодня, умышленно стреляя мимо цели, он предаёт кого-то или что-то в будущем, возможно, даже себя самого. Старший лейтенант Разумовский стоял рядом и внимательно смотрел на Салмана, будто тоже ждал его решения. Наконец рядовой Мансуров понял, что не в силах заставить себя стрелять хуже, чем умеет на самом деле, даже несмотря на войну в Афганистане. Солдат вернул карабин на место, прицелился, затаил дыхание и выстрелил три раза подряд. Все три пули попали в десятку.

6

Командир сто седьмой мотострелковой дивизии генерал Ерофеев, прежде чем уйти домой, решил разобраться с ещё одним вопросом. Из головы никак не выходил странный солдат, безобразно шагавший, но стрелявший великолепно. Генерал поднял трубку телефона и вызвал к себе в кабинет начальника Особого отдела сто седьмой дивизии полковника Фролова, обладавшего феноменальной памятью.

– Присаживайтесь, полковник. Есть разговор, – сказал генерал.

Полковник устроился напротив генерала и открыл свой блокнот для записи распоряжений.

Генерал Ерофеев продолжил:

– Однажды мой покойный дедушка рассказал мне удивительную историю. Во время войны в тридцать девятом году в финской армии служил снайпер невероятной меткости. Звали его Симо Хяюхя. Так вот, этот Симо положил семьсот наших бойцов. Пятьсот сорок случаев подтверждены документально.

– И где же сейчас этот Симо? – спросил полковник Фролов.

– Надеюсь, что в аду, – улыбнулся генерал и продолжил свой рассказ: – Он прожил до глубокой старости и умер своей смертью. Наши красноармейцы его очень боялись и прозвали «белой смертью».

– А с какой целью мы вспоминаем бывшего врага сейчас?

– Ты помнишь наши соревнования по стрельбе и солдата, занявшего первое место?

– Я даже помню как его зовут, Салман Мансуров, – сказал полковник.

– Точно, – подтвердил генерал. – Так вот, я подумал, зачем такому молодцу просиживать штаны где-нибудь в карауле или дневальным на тумбочке. Назовите его, например, «Чёрная смерть», придумайте пару-тройку страшных легенд о его способностях в бою и пусть в горах наводит ужас на душманов не хуже того финского Симо. Так, по крайней мере, от него будет больше пользы. Ходить в строю он всё равно не умеет.

– Здесь есть один нюанс, товарищ генерал, – деликатно возразил начальник особого отдела.

– Какой ещё нюанс?

– Этот Мансуров – единственный сын у матери.

– Вот что я тебе скажу, полковник – война она для всех война одинаково, и у кого один сын, и у кого пятеро. Готовь документы на рядового Мансурова о переводе в Ташкент, в Краснознамённый Туркестанский Военный Округ.

Полковник Фролов не представлял себе, чем рядовой Мансуров мог бы наводить ужас на душманов, однако послушно ответил:

– Есть, товарищ генерал, – и вышел из кабинета.

7

В десять часов вечера в казарме объявили отбой и солдаты начали расходиться по своим койкам. Когда рядовой Мансуров проходил мимо дневального, тот остановил солдата и сообщил:

– Только что звонил командир и велел тебе явиться к нему в кабинет.

– Когда?

– Прямо сейчас, – уточнил дневальный.

Штаб мотострелкового батальона со всеми офицерскими кабинетами находился напротив солдатских казарм, с противоположной стороны учебного плаца. Рядовой Мансуров пошёл через плац к зданию штаба. Он уже бывал в кабинете начальника и сейчас был уверен, что идёт за очередной порцией пи.....лей. Когда солдат шагнул в кабинет и доложил:

– Рядовой Мансуров по вашему приказанию прибыл, – старший лейтенант Разумовский продолжал стоять у окна и не посмотрел на вошедшего. Он был явно чем-то расстроен. Рядовой Мансуров насторожился и спросил о главном, хотя и не по уставу:

– Что-то случилось с мамой?

– С мамой всё хорошо, – ответил старший лейтенант и повернулся к солдату: – Вот, только что пришёл приказ: для дальнейшего прохождения службы велено от-

править тебя в Ташкент. Будешь теперь служить в Туркестанском военном округе. Собери свои вещички, если есть. Я уже распорядился – в пять утра наш полковой автобус отвезёт тебя на военный аэродром, оттуда – на транспортном самолёте в Ташкент.

– Но почему? – спросил рядовой Мансуров.

– По кочану, – сердито ответил офицер, – все объяснения и дальнейшие указания получишь уже на новом месте службы.

Салман своим острым ювелирным зрением заметил, что командир во время разговора ещё ни разу не посмотрел ему в лицо и упорно прячет взгляд, направляя его по сторонам.

– Это из-за лошади? – спросил рядовой Мансуров.

– Нет, – ответил старший лейтенант, – можешь идти.

Солдат развернулся и шагнул к двери.

– Стой! – приказал командир.

Когда Салман повернулся к нему лицом, произошло невероятное – старший лейтенант Разумовский подошёл и на прощание по-мужски крепко обнял своего солдата. Рядовой понял, что это не по уставу, а по велению человеческого сердца.

8

Вертолёт Ми-8 трижды пытался приземлиться на оборудованной площадке между скал Панджшерского ущелья, чтобы забрать убитых и раненых солдат пятой роты, но каждый раз попадал под прицельный огонь моджахедов, засевших на соседней высоте. Среди душманов находился и снайпер, который к тому времени успел ликвидировать троих солдат пятой роты. В результате рота приостановила своё продвижение вглубь Панджшерского ущелья, и командир принял единственно правильное решение – уничтожить духовского снайпера и захватить эту важную высотку. Для выполнения этого задания капитан Смирнов отправил двух своих снайперов – сержанта Зуева и рядового Мансурова. Для солдата Мансурова это был первый личный выход на боевую операцию или, как говорили у них в роте, на войну. Только неделю назад он закончил снайперские курсы при штабе сороковой армии, и вот уже сейчас, перед походом в горы, они вместе с сержантом Зуевым меняли тяжёлые армейские ботинки на лёгкие кроссовки. Это выглядело как случайный привет из мирной жизни. Проверив боеготовность снайперских винтовок, оптических прицелов и наличие запасных магазинов с патронами, солдаты пошли вверх по крутому скалистому берегу, а точнее будет сказать, поползли вверх навстречу неизвестности. Сержант Зуев полз первым. По году призыва он уже был «дедушкой» и с первого дня знакомства во всём опекал молодого бойца. А о том, чтобы прятаться за его спиной, не могло быть и речи. С такой «дедовщиной» рядовой Мансуров столкнулся впервые и понял, что люди могут меняться, когда опасность и близость смерти становятся их каждодневной реальностью. Солдаты медленно, но упорно ползли вперёд, чтобы снайпер и сопровождавшая его группа душманов оказались как можно ближе в зоне досягаемости снайперского огня. Въедливая афганская пыль очень быстро с ног до головы накрыла солдат, и теперь, как два серых валуна, они слились с окружающими камнями и булыжниками. Солнце катилось к закату и неожиданно быстро скрылось за высокой скалой, отбросив глубокую тень на позицию моджахедов. Напряжение нарастало. Наступившую тишину нарушала лишь быстрая река Пяндж, бурным и шумным потоком протекавшая по дну ущелья. Солдаты подползли к двум огромным камням и в образовавшемся между ними проёме увидели позицию моджахедов. Рядовой Мансуров чуть приподнял винтовку и посмотрел через оптический прицел. До вражеского окопа было метров двести – вполне приемлемое расстояние для его снайперской винтовки «СВД».

Именно в эту секунду раздался громкий одиночный выстрел, и ущелье многократным эхом отразило этот звук. Рядовой Мансуров успел ощутить, как пуля, чуть задев макушку его шлема, со свистом застряла в ближайшей скале. Боец понял, что был в двух сантиметрах от гибели, но не шевельнулся, продолжая спокойно наблюдать за обстановкой сквозь оптический прицел. Сержант Зуев негромко спросил:

– Ты видел? Снайпер перебежал на другую позицию.

– Уверен, он заранее подготовил себе несколько позиций, – ответил напарник и сразу добавил: – Я вижу его под большим валуном, похожим на шар. Минуту назад там лежало три булыжника, теперь четыре. Это он там пристроился.

– Если ты ошибаешься, то нам канты, – сказал сержант и добавил: – Поменять позицию мы не успеем.

В эту минуту случайный луч заходящего солнца каким-то чудом пробился сквозь трещину в скале и, как по заказу, точно попал на участок с четырьмя булыжниками, и там нечто очень блестящее успело трижды сверкнуть, отражая солнечный свет. Казалось, будто кто-то умышленно просигналил бойцам пятой роты, указав таким образом точное местоположение вражеского снайпера. Для рядового Мансурова этого было достаточно. Он выстрелил только один раз и увидел, как один из булыжников моментально окрасился в красный цвет, будто под ним разбилась бутылка с красным вином. Ответного выстрела не последовало.

– Вот и всё, – сказал Салман.

Сержант Зуев по рации доложил обстановку капитану Смирнову.

Потом рядовой Мансуров увидел, как солдаты пятой роты начали медленно подниматься по крутому скалистому склону, чтобы занять важную высоту. Малочисленная группа моджахедов, потеряв снайпера и увидев превосходящие силы противника, быстро куда-то отступила. Сержант Зуев и рядовой Мансуров первыми поднялись на освобождённую высоту. Убитый снайпер лежал на своей винтовке лицом вниз, с окровавленной головой. Салман старался не смотреть в его сторону – зрелище развороченного черепа с непривычки вызывало у молодого солдата приступ тошноты. Чтобы не опозориться перед сержантом, рядовой Мансуров начал глубоко дышать, и это ему помогло приглушить позывы к рвоте. А сержант Зуев, наоборот, решил осмотреть труп и для этого перевернул его на спину. И тут выяснилось, что перед ними – женщина, лет тридцати, с европейскими чертами лица, в пятнистом маскировочном костюме и в лёгких ботинках. Снайперская пуля разворотила ей затылок, но лицо почти не пострадало. Сержант Зуев не нашёл в её карманах никаких документов, лишь на безымянном пальце левой руки было золотое кольцо с алмазным напылением. Рядовой Мансуров не сомневался – именно эта вещица, трижды сверкнув, спасла ему жизнь. Невероятно, но это было то, самое первое кольцо, сделанное Салманом несколько лет назад в ювелирной мастерской. На кольце сохранилась даже надпись на английском языке: «Эдит и Ален». Рядовой Мансуров пытался, но не смог вспомнить лицо того Алена, получившего когда-то это кольцо в подарок. Вдруг острая боль, как длинная игла, прошла сквозь всю его грудную клетку и затаилась где-то внутри, рядом с сердцем. Салман никак не ожидал, что гибель этой женщины отзовется в нём сердечной болью. Очевидно, война ещё не успела превратить солдата в механического робота, спокойно выполняющего любой приказ. Он ещё не забыл мамины слова – «человек в любых обстоятельствах должен оставаться человеком»!

Вскоре на занятую высоту подтянулась вся пятая рота вместе со своим командиром, капитаном Смирновым. Здесь организовали оборонительный рубеж и оборудовали площадку для приёма вертолётов. Теперь стало возможным отправить раненых бойцов в госпиталь.

Рядовой Мансуров попросил разрешения у капитана Смирнова похоронить женщину.

– Охота тебе тратить на неё время и силы? Тут кругом сплошные камни и скалы, – сказал капитан Смирнов.

– Мы похороним её внизу, у реки. Там мягкая земля.

– Ладно, – согласился капитан. Потом спросил: – Ты понял, что придумала эта гадина? Она надевала на голову коробку от наших сухих пайков, и невозможно было отличить, где булжжик, а где голова. Молодец, что разобрался с ней.

Рядовому Мансурову эта похвала показалась сомнительной, и он даже не ответил командиру положенными по уставу словами: «Служу Советскому Союзу».

Утром следующего дня сержант Зуев и рядовой Мансуров похоронили снайпершу в Панджшерском ущелье, у реки с быстрым течением. Но прежде чем засыпать женщину землёй, бывший ювелир вернул ей на безымянный палец многострадальное золотое кольцо с алмазным напылением. Даже в самом страшном сне ему не могло привидеться, что когда-нибудь он так хладнокровно убьёт женщину, к тому же с именно этим кольцом на руке. Круг замкнулся. Только удивляла беспечность снайперши, так неосторожно надевшей на себя что-то блестящее. Возможно, это была простая женская слабость к украшениям, либо роковая ошибка, а может быть, всего лишь прощальный сувенир несбывшейся любви. Теперь уже никто никогда не узнает этого. Но Салману в тот день открылось нечто важное: на свете нет сочинителя круче и фантастичнее, чем сама жизнь со всеми её потерями, тревогами и радостями.

Через час пятая рота уходила вглубь Панджшерского ущелья на войну с отрядами полевого командира Ахмад Шаха Масуда. Пока ещё оставалось какое-то время, рядовой Мансуров, проверяя боеготовность своего снаряжения, в очередной раз задавал себе один и тот же вопрос: «Может быть, стоило тогда, в беседке, прислушаться к маминой просьбе и хотя бы раз в жизни не попасть в мишень. Возможно, теперь у него была бы совсем другая судьба?»

Однако и на этот раз ответа не было.

9

Рядовой Салман Мансуров возвращался домой поздней осенью. В Баку уже третий день было ветрено, и не прекращались дожди. Солдат свернул к себе во двор, где на просторной площадке играл в детстве в футбол с соседскими мальчишками. Потом, пройдя через весь двор, он зашёл в подъезд и поднялся на третий этаж. По дороге Салман не встретил ни одного соседа. В этот дождливый, холодный день жильцы пятиэтажного дома попрятались по квартирам. Однако мама открыла дверь сразу и в первые секунды даже не узнала сына. Она вообще никогда не видела его в военной шапке, в длинной шинели и в сапогах. Через секунду, опомнившись, женщина молча впустила его в прихожую и крепко обняла:

– Слава Богу, ты вернулся, – тихо сказала она, – раздевайся, проходи. Я тебя покормлю.

Сын тоже никогда не видел мать с белыми волосами и потому наивно спросил:

– Мама, ты подкрасилась?

– Нет, сынок, теперь это мой натуральный цвет. Наверно, от долгой разлуки и неизвестности волосы белеют. Когда мне сообщили, что тебя отправили в Ташкент, я всё поняла. Сбылся мой страшный сон, хотя ты писал мне что-то про Монголию, пытался успокоить.

Салман повесил в прихожей свою тяжёлую шинель с шапкой и шагнул в большую комнату, где находился обеденный стол. В квартире на тех же местах стояла всё та же устаревшая мебель. Дома ничего не изменилось. Женщина вдруг увидела на гимнастёрке сына три больших ордена. На одном из орденов мелкими буквами были впечатаны в металл два слова «За отвагу». Мама не читала без очков и никогда ещё не видела таких орденов так близко и поэтому наивно спросила:

– Что это, сынок?

Салман крепко обнял её и сказал:

– Прости меня, мама. Это именно то, из-за чего побелели твои волосы. Я не сдержал обещания, не смог по-другому. Прости меня.

– Знаешь, сын, ты уже взрослый и имеешь право на свой выбор. Я не осуждаю и не обижаюсь. Живи, как велит тебе сердце, а я всегда поддержу тебя.

Бывший рядовой Мансуров хотел рассказать маме о том, как расходятся на войне долг и совесть. Но сейчас, вернувшись домой, он лишь от души тепло улыбнулся, когда мама положила на стол тарелку с его любимой долмой.

Так начиналась их мирная жизнь.

Серпантин судьбы

1

Студенты Владимир Трахтенберг и Муса Гарибов никогда не были близкими друзьями. Они учились на разных факультетах и случайно познакомились только на третьем курсе. Владимир был коренным москвичом и жил с мамой в собственной трёхкомнатной квартире. А бакинец Муса на время учёбы поселился в студенческом общежитии и по нынешним временам считался бы «понаехавшим» в столицу.

Как это часто бывает, в судьбу молодых людей вмешался случай – студент Гарибов влюбился в еврейскую девушку, да ещё с актёрского факультета. Консервативные родители такой выбор сына никак одобрить не могли. К тому же в невесты они готовили ему свою красавицу-тюрчанку. Однако Муса, несмотря на молодость, уже успел догадаться – какой бы красавицей тюрчанка ни была, сильнее любви на этом свете ничего нет. Из-за возникшего конфликта с родственниками Муса решил в ближайшее лето не возвращаться в Баку на большие каникулы. А Владимиру как раз нужен был оператор на всё лето. Согласно учебному плану, он должен был за это время завершить работу над документальным фильмом о хоккейной команде «Крылья Советов». Готовый фильм принимался преподавателями как зачётная работа по режиссёрскому мастерству за третий курс. Вот только в солнечном Баку никогда не играли в хоккей, а сам студент Гарибов никогда не стоял на коньках. И, тем не менее, кадры, снятые им в процессе тренировок хоккеистов и во время официальных игр, получились очень динамичными и эффектными. Весь отснятый материал понравился Владимиру и его режиссёрским мастерам. Оставалось только всё это так же эффектно смонтировать и озвучить. А самому молодому оператору съёмки запомнились больше всего странными, нелогичными приказами главного тренера команды Виктора Николаевича Тузика. Когда студенты не снимали, он требовал от них такого же активного участия в тренировках, как и от остальных игроков команды. В такие минуты Муса подозревал, что знаменитый тренер либо не понимает, для чего здесь киношники, либо всерьёз решил подготовить их к игре против канадских профессионалов. Лишь много лет спустя бывший студент понял скрытый смысл этих требований – присутствие на тренировочной площадке отдыхающих и бездельничающих наблюдателей расхолаживало всю команду.

2

Успех фильма о хоккее подтолкнул студентов к дальнейшему сотрудничеству, и они договорились вместе снять большой документальный фильм о жителях высокогорных сёл Памира. Этот фильм должен был стать их дипломной работой, но чуть не стал для них братской могилой. Шёл четвёртый день, как они прибыли в село Мургаб – самый высокогорный населённый пункт Советского Союза. Находясь на высоте

трёх тысяч шестисот метров над уровнем моря, это село практически было оторвано от остальной территории Таджикистана. Летом сюда добирались только на редких внедорожниках, а зимой на вертолёте. Владимир и Муса остановились в двухэтажном гостевом доме. Целыми днями друзья мотались по горам, снимали жизнь простых людей, их обычаи и традиции, а также суровые красоты Памира. Вся эта экзотика должна была стать основой их дипломного фильма. Вечера студенты коротали в уютном холле с развешенными по стенам коврами местного производства. Здесь же находился единственный радиоприёмник, который, казалось, двадцать четыре часа транслировал одну и ту же заунывную восточную мелодию. Главным же развлечением оставался большой бильярдный стол, установленный в центре салона. В дальнем углу, за столом, под тусклым светом лампочки сидел директор этой гостиницы и что-то молча писал. Володя всё пытался спросить у него, откуда в этой забытой Богом глуши такой крутой бильярдный стол, но так и не решился, опасаясь обидеть гостеприимного хозяина. Через три дня за ними должен был приехать внедорожник, чтобы забрать на «большую землю». А пока Муса собрал в центре стола треугольную пирамиду из бильярдных шаров, затем разбил её ударом своего шара. Владимир подошёл к столу с кием в руках, чтобы продолжить игру, но даже не успел прицелиться к шару рядом с лузой, как вдруг под его удивлённым взглядом шары сами задвигались и медленно покатились во все стороны зелёного стола. Парни, как заколдованные, замерли и уставились на это явление, напомиравшее эпизод из какого-то фильма ужасов. И тут раздался громкий крик мужчины, который спас им жизнь:

– Быстро бегите во двор! Это землетрясение!

Муса не помнил, каким образом оказался во дворе, он пришёл в себя, когда на его глазах двухэтажное здание полностью развалилось и сложилось, как карточный домик, похоронив под обломками результат их четырёхдневных трудов и мечты студентов о дипломном фильме. Рядом стояли Владимир и директор домика – к счастью, все остались живы, но погибло всё съёмочное оборудование и коробки с киноплёнкой. Однако парни ни о чём не жалели, понимая – если бы этот человек крикнул на секунду позже, всё было бы намного плачевнее. Какие-то детали от кинокамеры и осветительных приборов студентам удалось найти и вытащить из-под завала, но это уже не имело никакого значения. Через день их увёз внедорожник в ближайший город Таджикистана, а оттуда они вернулись в Москву.

Бог в очередной раз показал своё превосходство над планами человека. Для молодых людей это было первым серьёзным испытанием на прочность. Но молодёжь не пала духом – друзья успешно сняли и защитили другой дипломный фильм и в это стремительно убегающее время удачно вписались в кинопроизводство, правда, каждый в своём городе и на своей киностудии. А ещё через несколько лет, как карточный домик, развалился сам Советский Союз, похоронив под собой надежды миллионов людей на спокойную жизнь.

3

Владимир со своей еврейской мамой и Муса со своей еврейской женой переехали в Израиль на постоянное жительство. Не зная языка чужой страны, Муса устроился на работу водителем в гараж фирмы «Тойота», а Владимир – ночным сторожем на небольшую фабрику, производящую пластиковые бутылки. Однажды, отдежурив свою смену, Владимир зашёл в супермаркет – мама просила купить куриный фарш, чтобы приготовить котлеты. Парень направился в мясной отдел, когда к нему подошла молодая невысокая девушка с красивым лицом, черными волнистыми волосами, в мини-юбке и в летней кофточке с глубоким вырезом. Её наряд был подобран таким образом, что практически ничего не скрывал от заинтересованного взгляда мужчины.

– Помогите мне, пожалуйста, достать пакет с верхней полки, – попросила она. Владимир был на голову выше девушки, поэтому легко дотянулся до целлофанового пакета, на котором на иврите было написано одно слово: «каштаны».

– Извините, – сказал Владимир, – если не секрет, для чего вы используете каштаны?

– Совсем не секрет, – улыбнулась девушка, – моя бабушка готовит суп только с каштанами. Поверьте, это очень вкусно.

– Интересно. Впервые слышу такое. Может быть, ваша бабушка сможет поделиться со мной рецептом? – спросил Владимир.

Девушка словно ожидала такого поворота в разговоре, достала из сумочки визитную карточку и передала её мужчине:

– Позвоните сегодня после шести вечера, я буду дома и передам телефон бабушке. Она всё вам подробно расскажет.

Владимир заглянул в карточку и прочитал: «Яна Премингер. Стрижка. Маникюр. Педикюр». Теперь мужчина понял, почему эта девушка не просто красива от природы, но ещё и хорошо ухожена.

Владимир позвонил вечером, как и договорились. Яна ответила на звонок, но телефон в тот вечер так ни разу и не попал в бабушкины руки, и тайна приготовления супа с каштанами осталась нераскрытой. А Яна с Владимиром проговорили без перерыва три с половиной часа, пока у мужчины окончательно не разрядилась батарейка в мобильнике. Это был личный рекорд Владимира по продолжительности разговора. На исходе ближайшей субботы они вновь встретились на набережной Бат-Яма. После непродолжительной прогулки по песчаному берегу мужчина предложил зайти в летний ресторан. На открытой веранде звучала лирическая мелодия. Вечер был тёплым, безветренным и приятным. Спокойная гладь моря, словно гигантское зеркало, отражало длинную лунную дорожку. Однако в ресторане посетителей было немного. К вошедшим гостям подошла молодая официантка и положила на стол меню.

– Что ты хотела бы заказать? – спросил Яну Владимир.

– Рыбу, порцию побольше, – ответила та.

Владимир открыл меню и позвал к столу официантку:

– Просветите нас, пожалуйста. Что такое рыба лаврак? Мы хотим заказать порцию побольше.

– Тогда закажите именно лаврак. Это то, что вам надо, – уверенно сообщила девушка.

На этом и остановились. Потом официантка принесла и разложила на столе разнообразные салаты, холодные закуски и два бокала тёмного пива. Через пятнадцать минут Владимир увидел, как открылись кухонные двери, и двое парней в поварских фартуках и высоких колпаках в четыре руки торжественно вынесли на веранду большой железный поднос, по периметру которого были нарезаны огурцы и помидоры. Посередине подноса располагался большой белый холм высотой с полметра из неизвестного вещества. Ну, а внутри холма, видимо, была спрятана большая рыба, как и обещала им официантка. Она сама торжественно шла за подносом и несла в руках обыкновенный молоток и нечто, похожее на зубило. Оба повара водрузили на стол эту грандиозную конструкцию, а официантка передала Яне молоток и зубило. Девушка явно растерялась, не понимая, что же с этим инструментом делать. Сидевший напротив Владимира тоже не понимал, что происходит. Он вообще-то привык пользоваться ножом и вилкой, а тут молоток и к тому же только один. Повара с милой улыбкой пожелали гостям приятного аппетита и вернулись на кухню. Молодая официантка спасла ситуацию. Она забрала у Яны молоток и стала потихоньку откалывать белые куски от холма. Только теперь, с близкого расстояния, Владимир понял, что это холм из обыкновенной соли и где-то внутри должна находиться рыба. Девушка отбивала от холма слой за слоем, но рыба не показывалась. И только у самого

основания этой соляной конструкции Владимир наконец увидел две маленькие рыбёшки, которые смотрели на него круглыми выпученными глазами, словно сами удивлялись такому сюрпризу.

– Очень вкусная рыба. Приятного аппетита! – как будто в насмешку сказала официантка и пошла встречать вновь прибывших гостей.

Под соседним столом сидела рыжая кошка, словно в засаде, и ждала своего часа. Этот час настал – мужчина швырнул ей эту наглую гластую рыбёшку, потом спросил у Яны:

– Найдём нормальный ресторан?

– Конечно, – ответила она и поднялась из-за стола.

Владимира несколько не расстроил этот полный «лаврак» с рыбой. Больше всего его беспокоило крепнувшее с каждой минутой взаимопонимание и взаимоприятие между ним и этой женщиной, которое обычно заканчивается законным браком. А он привык находиться рядом с мамой.

4

Работая водителем в гараже фирмы «Тойота», Муса гарантировал себе постоянный заработок, но тайне скучал по своей профессии. Поэтому бывший оператор устроился «по-чёрному» в маленькую частную видео-студию, хозяин которой специализировался на съёмках свадеб. В ресторанах и залах торжеств свадьбы обычно начинались в восемь часов вечера. Поэтому Муса вполне успевал после работы в гараже привести себя в порядок и явиться в видеостудию. Камеру на плече он держал устойчиво, снимал уверенно, оставалось только понимать, что говорит ему хозяин, который сам сидел за режиссёрским пультом и руководил операторами. Так как Муса практически не понимал иврит, то хозяин в первый день съёмок подвёл его к жениху и невесте и просто рукой показал: вот это – хатан /жених/, а это – кала /невеста/. Как услышишь в наушниках слово «хатан», поворачивай камеру на жениха, как услышишь слово «кала», переходи на невесту. С этого простого урока и началась новая операторская карьера Мусы Гарибова в Израиле. Но уже через месяц съёмок он хорошо знал, как называются на иврите все ближние и дальние родственники жениха и невесты. Работа на хозяина в этой маленькой студии с профессиональной точки зрения не давала ничего нового, но с точки зрения изучения иврита и профессиональной терминологии это был бесценный опыт. Через полгода он практически понимал всё, что звучало в его наушниках, и был вполне способен перейти на профессиональную студию. Вот только как туда попасть?

5

Как известно, всё в мире относительно и познаётся в сравнении. Неудача с рыбой лаврак так сблизила Владимира и Яну, что через неделю они скоростно поженились. Но чтобы содержать семью, мужчина продолжил работать ночным охранником на фабрике. В его одинокой будке у закрытых ворот до утра горел свет – Владимир все ночи напролёт читал с помощью словаря ивритские газеты и журналы. Режиссёру, в отличие от оператора, надо было не просто понимать язык предков, но самому правильно объяснять задание операторам, а также грамотно читать и писать всевозможные тексты. В одну из таких ночей Владимир случайно наткнулся на объявление в газете, в котором говорилось, что в Тель-Авиве открывается профессиональная телестудия «Ульпаней Рол», где будут сниматься передачи для второго канала израильского телевидения. А сейчас там начинается набор персонала. Все желающие могут пройти собеседование по адресу... Утром следующего дня Владимир Трахтенберг уже находился в офисе по указанному адресу со всеми своими до-

кументами о высшем образовании и многолетнем опыте работы. Именно в это утро по тому же адресу приехал на собеседование и оператор Муса Гарибов. Буквально накануне, во время обеденного перерыва, товарищ по работе показал Мусе газету с таким нужным объявлением. Вот так неожиданно судьба вновь свела старых институтских приятелей. В тот день произошло ещё одно невероятное событие – их обоих приняли на работу, хотя и с испытательным сроком. Но только месяц спустя парни узнали, что их приняли не благодаря высшему образованию, большому опыту работы и профессиональным достижениям, а всего лишь потому, что во время собеседования они согласились работать на зарплату ниже установленного минимума. Недавно приехавшие в страну профессионалы кино и телевидения скучали по съёмкам, и хитрые местные продюсеры умело пользовались этим.

6

Уже через день Владимир и Муса приступили к работе над развлекательно – эротической передачей, которая называлась «Спроси у Арика». Передача выходила в прямой эфир ежедневно поздно ночью, и её «фишка» заключалась в том, что любой телезритель мог вживую дозвониться до ведущего Арика Кауфмана и задать вопрос с сексуальной проблематикой. Арик, молодой красивый мужчина, обладал хорошим чувством юмора и считался мастером импровизации. Во время общения с телезрителями Арик свободно передвигался по всему павильону, выстроенному в виде обычной трёхкомнатной квартиры. Он мог приготовить себе кофе, поваляться на диване, помыть посуду, полить цветы на подоконнике, но, главное, он должен был найти для каждого позвонившего остроумный ответ и оригинальное решение его проблемы. Муса, как оператор, держал камеру на плече и сопровождал ведущего во время всех его передвижений. А Владимир находился в комнате контроля, за режиссёрским пультом, и руководил всем, что происходило в прямом эфире. Иногда он переходил на вторую камеру, показывавшую общий план декорации. Мусе запомнился их самый первый и самый ответственный эфир и первый вопрос телезрителя.

Арик стоял посреди декорации и на среднем плане внимательно смотрел в объектив камеры, словно призывал зрителей задавать вопросы. Наконец из динамиков прозвучал приятный мужской голос, который сказал:

– Послушай, Арик! У меня проблема.

– Мы здесь, чтобы помочь тебе, – доброжелательно улыбаясь, ответил Арик, – рассказывай, что за проблема?

– Когда я занимаюсь сексом со своей женой, у меня всё нормально. А когда я хочу заняться этим с другой женщиной, эрекция полностью пропадает. Почему так происходит?

– Интересно! – сказал Арик и, повернувшись спиной к камере, пошёл в сторону дивана.

Муса с камерой медленно последовал за ним. В кадре было видно, что ведущий ищет остроумный ответ, но не может найти и потому тянет время. И тут в наушниках Арика спасительной соломинкой прозвучал голос режиссёра программы. Володя под-сказал:

– Потому что просыпается твоя совесть.

Арик сразу резко повернулся на камеру и на крупном плане эффектно повторил:

– Потому что просыпается твоя совесть.

Далее ведущего подхватила свободная волна импровизации, и он выдал телезрителю ещё парочку полезных советов. Их первый эфир в тот вечер прошёл успешно, без сучка и задоринки.

С того решающего дня прошло девять месяцев, и руководство студии «Ульпаней Рол» решило отправить Владимира и Мусу в двухнедельную командировку в Москву, чтобы снять репортаж о синагогах России. В аэропорту имени Бен Гуриона, как всегда, было многолюдно. Водитель студийного «Рено» высадил оператора и режиссёра на стоянке перед входом в здание аэропорта и, тепло попрощавшись, уехал по другим делам. Владимир и Муса встали в длинную очередь, ведущую к стойке регистрации улетающих. Сумки с аппаратурой они поровну разделили между собой. Молодая девушка в синей форме представителя службы безопасности аэропорта сначала подошла к Владимиру. Заглянув в его паспорт и задав пару дежурных вопросов, она быстро отпустила мужчину. Затем служащая подошла к Мусе и, забрав у него паспорт, долго изучала его.

Минут через пять спросила:

– Вы сами упаковывали свои вещи?

– Да, – ответил Муса.

– Из какого вы города?

– Из Ашдода.

– Сколько у вас детей?

– Двое.

– Когда день рождения первого ребёнка?

– Двадцать пятого сентября.

– Вам кто-нибудь передавал подарки или сувениры?

– Нет, – ответил Муса и стал догадываться, что здесь что-то происходит.

Тем временем Владимир сдал свой багаж, получил посадочный талон и, видя, что Муса всё ещё разговаривает со служащей аэропорта, решил купить для себя блок сигарет в магазине «Дьюти-фри» и потом дожидаться друга у выхода на посадку в самолёт. Но допрос Мусы Гарибова затянулся. Владимир всерьёз забеспокоился, когда на выходе С5 объявили посадку на московский рейс, а Муса всё ещё не появлялся. Пассажиры неспеша заполняли автобус, который должен был отвезти их к самолёту. Наконец Владимир увидел Мусу – он быстрым шагом приближался к выходу С5.

– Почему так долго? – раздражённо спросил режиссёр. – Что произошло?

– Девушка задавала всякие дурацкие вопросы, – ответил Муса и поднялся в автобус. Владимир поднялся следом:

– Что за вопросы?

– Например, почему меня зовут Муса.

– И что ты ответил?

– Сначала растерялся, не знал, что ответить. Потом сказал, что это имя нашего общего пророка Моисея, того самого, который вывел народ из Египта. Затем перед ним расступились воды морские, и он ещё сорок лет по пустыне со своим народом...

В этот момент автобус подъехал к самолёту и остановился у трапа. Пассажиры дружно вышли из автобуса и большим полукругом встали у трапа, но подниматься в самолёт экипаж пока не разрешал. Друзья отошли в сторонку, чтобы поговорить:

– И что же тебе ответила девушка? – спросил Володя.

– Ничего не ответила. Мне вообще показалось, что она впервые услышала эту историю от меня и побежала рассказывать её дежурному офицеру смены.

– А ты не мог придумать что-нибудь попроще?

– Зачем? Это же правда, – удивился Муса.

– Ты давно на себя в зеркало смотрел? – не на шутку возмутился Владимир, – у тебя же чёрная борода, как у небритого террориста, и имя, соответствующее внешности, а ты с такой рожей ей про Моисея впариваешь. Кто же поверит? Хорошо, что она в полицию не побежала.

– Спасибо за комплимент, – в ответ рассердился Муса, – но ты, между прочим, тоже не Аполлон Бельведерский.

– А что сказал дежурный офицер?

– Этот парень решил, что у меня слишком толстые подошвы на ботинках и там можно что-нибудь спрятать. Пришлось снять обувь для проверки.

– Ну, правильно он решил. Ты бы ещё сапоги надел в такую жару.

– Это здесь жара, а в Москве в октябре дожди.

– Короче, спорить с тобой бессмысленно, – подытожил разговор Владимир, – эта идиотская ситуация будет повторяться до тех пор, пока ты не поменяешь имя.

– А по мне, если уж родился крокодилом, то надо им и оставаться, а не искать выгодные варианты превращения в бегемота, – сопротивлялся Муса. – Помнишь, как в знаменитом мультике нашего детства – «крокодил Гена работал в зоопарке крокодилом».

Владимир усмехнулся в ответ:

– Если не боишься неприятностей, тогда, конечно, оставайся таким правильным.

В это время стюардесса пригласила пассажиров подниматься в самолёт. Друзья подошли к трапу.

8

С того памятного дня прошло два месяца. Парни давно вернулись из Москвы и продолжали работать на своей студии. Однажды Муса заехал в большой торговый центр, чтобы в магазине запчастей купить новую радиоантенну для своего «Сузуки». Прежнюю антенну неаккуратные работники сломали на автомойке. Муса на эскалаторе поднялся на второй этаж и не заметил, как оказался в центре специализированного магазина, торгующего велосипедами. Здесь были любые модели для детей и взрослых. Мужчина никуда не спешил и невольно засмотрелся на это разнообразие. Но тут к нему подошёл молодой продавец и спросил:

– Может, вам помочь с выбором?

– Я всегда хотел купить велосипед, а купил автомобиль, – с сожалением ответил Муса.

– Ну вот, пришло время осуществить мечту, – улыбнулся парень.

– Я сперва сам пройдусь и посмотрю, что у вас есть, – объяснил клиент и пошёл вдоль велосипедных рядов вглубь магазина.

Там несколько покупателей подкачивали шины на своих новеньких велосипедах, а заодно заряжали их аккумуляторы. Причуды памяти вдруг вернули мужчину в далёкое детство, где остался уютный бакинский дворик с доброжелательными соседями, его горячо любимая одноклассница и первый велосипед с гордой надписью «Орлёнок». Муса учился тогда в девятом классе средней школы и жил с родителями на втором этаже дома с окнами, выходящими во внутренний двор. Прямо напротив жила девочка Рита с папой и мамой. Она была единственным ребёнком в семье и отличалась очень красивым кругленьким личиком, большими голубыми глазами и короткой стрижкой. Муса с удовольствием ходил на уроки физкультуры только лишь для того, чтобы свободно разглядывать её стройные ножки без мешающей длинной юбки. А ещё он украдкой наблюдал, как во время различных упражнений в спортивном зале колышется под тонкой футболкой её не по годам большая грудь. Мальчик только смотрел на одноклассницу, никогда к ней не подходил и ни о чём не спрашивал. Муса думал, что если он подойдёт и заговорит с Ритой, то вся школа сразу же догадается о его любви к этой девочке. Мальчик очень стеснялся этого, но однажды вечером после школы он подошёл к окну, чтобы посмотреть на начавшуюся грозу, и вдруг увидел любимый силуэт в окне напротив. Рита приоткрыла штору и пристально

посмотрела на своего соседа. Дождь струйками стекал по стеклу, а дети всё стояли и смотрели друг на друга. С того вечера возник странный ритуал – школьники в одно и то же время подходили к своему окну и этим словно признавались друг другу в вечной любви. Но есть ли на свете что-то вечное?

В один прекрасный день отец сделал Мусе по тем временам очень крутой подарок – он купил сыну на день рождения велосипед. В их маленьком дворике ни у кого из мальчишек велосипеда не было. Поэтому Муса сразу же стал любимцем всех соседских ребят, разрешая по выходным дням детям кататься на велосипеде. Так как во дворе было тесно, мальчишки по очереди выезжали на велосипеде за широкие ворота, потом делали два-три круга вокруг дома и возвращались во двор. Девочки в этом дворовом ралли не участвовали, хотя с интересом наблюдали за мальчиками со своих балконов.

Однажды воскресным днём Рита спустилась во двор и сама подошла к Мусе.

– Можно мне тоже покататься? – спросила девочка.

Мальчика словно окатили кипятком, но он постарался ответить как можно спокойнее, не выдавая волнения:

– А ты умеешь?

– Умею. Меня папа научил.

– Ладно. Бери, – ответил Муса и отпустил велосипед.

Рита уверенно одной ногой встала на педаль, другой ногой оттолкнулась от земли и, легко оседлав мужской велосипед, быстро поехала в сторону ворот. Мальчишки удивлённо посмотрели ей вслед. Однако не прошло и пяти минут, как Муса увидел в светлом проеме ворот знакомый силуэт одноклассницы и свой велосипед. Только теперь девочка медленно шла с заплаканными глазами, с разбитым в кровь коленом и толкала за руль сломанный велосипед. Переднее колесо сильно погнулось и, превратившись в какую-то уродливую восьмёрку, с трудом прокручивалось.

– Что произошло? – не веря своим глазам, спросил Муса.

– Там недалеко от ворот открытый люк. Я не заметила и провалилась в него передним колесом. Прости меня, пожалуйста, – еле сдерживая слёзы, сказала соседка.

– Дура, идиотка, – зло выругался одноклассник и почувствовал, как внутри у него что-то остановилось, оборвалось и закончилось навсегда.

Ему совсем не было жаль Риту, которую он любил ещё вчера.

Теперь он думал только о велосипеде и о том, как оправдаться перед отцом. А девочка стояла одна посреди двора в окружении злорадно смеющихся подростков. Дети умеют быть жестокими.

Потеряв дорогую игрушку, Муса полностью утратил интерес к Рите. Теперь его не радовали ни уроки физкультуры, ни её стройные ножки, ни романтические свидания у окна, ни что-либо ещё. Вскоре он вообще перестал разговаривать с девушкой, а через год уехал поступать в московский ВУЗ.

В родной дворик Муса вернулся лишь через год, на время летних каникул. Естественно, вскоре он увидел то самое окно напротив, за которым уже жила другая семья, и на парня нахлынула вдруг запоздавшая сердечная тоска и необъяснимая боль разлуки. Московский студент захотел вновь увидеть Риту или хотя бы узнать, где она теперь. В один из дней он зашёл в соседний подъезд и поднялся на второй этаж. Пожилая женщина открыла дверь и сообщила, что прошлый хозяин квартиры, будучи человеком военным, отправился на новое место службы куда-то в Казахстан и забрал с собой жену и дочку. Но в день отъезда девушка оставила письмо для какого-то Мусы Гарибова...

– Это я, – сказал парень.

– Тогда подождите. Я сейчас принесу это письмо, – сообщила соседка.

Через пару минут Муса вышел из подъезда, сжимая в ладони запечатанный конверт.

Он не стал подниматься в свою квартиру, а открыл конверт прямо во дворе. На листе бумаги красивым женским подчерком было написано всего несколько строчек:

«Судьба разлучила нас, но на прощание я хочу поделиться с тобой своим секретом – люди существуют на свете только для любви, а вещи всего лишь для того, чтобы ими пользоваться. Именно так и никогда наоборот. Помни об этом, когда купишь другой велосипед или полюбишь другую девушку. И будет тебе счастье. Прощай».

Кто-то тронул Мусу за руку, и он резко оглянулся, словно очнулся от гипнотического наваждения. Перед ним стоял молодой продавец с хитрой улыбкой на лице:

– Вы выбрали велосипед? Я могу показать отличную и недорогую модель.

– Конечно, спасибо. Только давайте в следующий раз, – ответил мужчина и вышел из этого велосипедного рая.

Потом он купил антенну для машины и поехал домой. О велосипедах Муса больше не вспоминал, давно решив для себя, что обычные пробежки по берегу моря на него действуют лучше любого велосипеда.

9

Прошло ещё какое-то время, и руководство студии решило показать своим зрителям сюжет о древнем иорданском городе Петра, где все дворцы и хижины были вырублены в скалах. В командировку опять отправили Владимира и Мусу, но на этот раз только на один день. План руководства был простой: с утра пораньше съёмочная группа переходит иорданскую границу в районе израильского Эйлата. На иорданской стороне режиссёра и оператора встречает автомобиль – джип «Опель» израильского посольства – и отвозит съёмочную группу в Петру, о чём было заранее договорено с представителями посольства. Для того, чтобы с утра как можно раньше перейти иорданскую границу, друзья накануне прибыли в Эйлат и переночевали в одной из гостиниц. А утром на такси прибыли в пункт перехода. В тот день на границе было немногочисленно, поэтому уже через полчаса Владимир и Муса находились в зоне контроля иорданских пограничников. Это был большой зал с кабинками, в которых за стеклом с прорезью сидели чиновники пограничной службы. Они проверяли паспорта всех прибывающих, принимали к оплате определённую сумму за въездную визу и ставили печать сроком на месяц. Когда подошла очередь Мусы, он сквозь узкую прорезь в стекле протянул служащему свой паспорт и уже приготовился отвечать на каверзные вопросы. Однако пограничник лишь бегло взглянул на его фотографию в паспорте, прочитал имя и поставил печать на нужной странице. Потом сквозь ту же прорезь на стекле вернул паспорт мужчине, неожиданно добавив:

– Господин Муса Гарибов! Можете идти. Добро пожаловать в Иорданию.

Затем перед ним открылась маленькая дверка, за которой начиналась территория соседнего государства. Муса впервые так легко, без проблем и лишних вопросов перешёл государственную границу и был этим приятно удивлён. Он вышел из здания на небольшую площадь – здесь уже кипела своя жизнь, работали магазинчики, ходили люди, двигались машины. А на стоянке для таксистов Муса увидел большой джип «Опель», который должен был отвезти их в Петру. В ожидании гостей машина мигала всеми своими жёлтыми огнями, а за рулём сидел пожилой седой мужчина в тёмных очках. Минут через двадцать на площадь вышел Володя, волоча за собой на колёсиках две большие сумки с личными вещами и съёмочным оборудованием. К нему сразу же подошёл Муса:

– Слава Богу, живой! – улыбнулся оператор. – От тебя-то что они хотели?

– Сначала долго допытывались, что у меня общего с «Моссадом». Потом поняли, что ничего общего нет, и задали тот самый коронный вопрос: «Почему вас зовут Владимир?»

– Выходит, ты побывал в моей шкуре? – с усмешкой спросил Муса. – Интересно. И как же ты выкрутился?

– Сначала я тоже растерялся, не знал, что ответить, потом догадался и сказал, что меня так называли в честь Владимира Путина. После этого уже ни о чём не спрашивали, сразу отпустили.

– Боятся твоего тёзку, – сказал Муса.

Владимир подтвердил:

– Конечно, ракета «Тополь М» с разделяющейся боеголовкой – это тебе не хухры-мухры.

– Только когда ты родился, Путина на свете ещё не было, – уточнил оператор.

– Видимо, эти ребята особенно не заморачиваются с числами и датами. Они услышали слово «Путин», им этого было достаточно.

– Но если на обратном пути они начнут выяснять, почему ты Трахтенберг, то нам мало не покажется. Домой мы уже не попадём, – сказал Муса.

– Выходит, это большой вопрос, кому из нас придётся имя менять, – пошутил режиссёр.

Друзья рассмеялись и в хорошем настроении подошли к джипу, чтобы познакомиться со встречавшим их человеком.

10

Ариэль Кауфман уже много лет находился на дипломатической службе, считался опытным специалистом по арабским вопросам, великолепно знал несколько языков, не считая иврита. Он добровольно напросился встретить телевизионщиков, чтобы помочь ребятам физически и самому поучаствовать в новом и интересном для себя деле. Телевизионщики загрузили в просторный багажник автомобиля съёмочную аппаратуру и свои вещи. Но прежде чем забраться в машину, режиссёр Владимир Трахтенберг обратил внимание на огромный белый плакат, висевший на стене офиса пограничной службы. На белом фоне красивой арабской вязью чёрного цвета был написан какой-то текст.

– Вы понимаете, что там написано? – спросил Володя у представителя посольства. – Наверное, «Аллах Акбар».

– Нет, – улыбнулся мужчина и объяснил, – это сорок девятая сура Корана: «По истине, Мы создали вас из мужчины и женщины и, размножив вас, сделали разными народами и племенами, чтобы вы узнавали друг друга».

– Какие правильные слова! – искренне сказал Володя. – Я бы такие плакаты развесил во всех городах мира. Именно узнавали, а не уничтожали друг друга.

– Это бессмысленные надежды, – ответил Ариэль и сел за руль, – люди, как и тысячи лет назад, предпочитают враждовать, а не узнавать друг друга. Оружие становится более смертоносным, а сознание всё на том же уровне пещерного человека – у кого длиннее и тяжелее дубинка, тот и прав.

– Факты упрямая вещь, спорить не буду, – ответил Владимир, – вот только хочу сказать, что если кто-то на Земле ещё развешивает такие плакаты и верит этим словам, значит, не всё потеряно, значит, ещё есть надежда. Надо верить и не сдаваться.

– Не вижу другого варианта, – неожиданно согласился Ариэль.

Режиссёр поднялся в просторный джип и закрыл дверь. Муса уже сидел в кресле рядом с водителем. Их белый «Опель» быстро набирал скорость. Впереди до самого горизонта продолжалась каменистая пустыня и бесконечно увлекательный серпантин судьбы...